

СОДЕРЖАНИЕ

Кощей Бессмертный	4
Глава 1. Имя Кощея	6
Глава 2. Образ Кощея	32
Глава 3. Мифы о Кошее	73
Кощей как способ сведения счетов	83
Кощей-отец.....	85
Кощей-тесть	86
Кощей-противник.....	87
Кощей-богатырь.....	88
Кощей-помощник	89
Глава 4. Смерть Кощея	90
Сказки.....	159
Свадебный диалог	163
Загадки.....	163
Заговоры.....	168
Глава 5. Былинный Кощей	170
Глава 6. Карачун	188
Литература.....	210
Сокращения.....	230

Кощей Бессмертный

Этому фольклорному персонажу посвящено поистине неисчислимое количество статей, сравнимое только с обилием литературы, толкующей образ Бабы Яги. Среди них имеется немало весьма основательных исследований, на выводы которых частично будем опираться и мы. Но еще больше написано статей глупых и откровенно дилетантских. Каждый второй учитель литературы, искусствовед, социолог, студент педагогического университета любого областного города, филолог или краевед со стажем опубликовал так или иначе опус, наконец-то раскрывающий подлинную суть сего таинственного мифологического образа и / или объясняющий, что «на самом деле» обозначает имя Кощея. В качестве примера можно сослаться на идеи, к началу XX в. уже прозвучавшие: «Что сказывается за темным образом Кощея, печальным – его пленницы и светлым – победителя? Не зима ли Кощей, держащая в плену весеннюю рождающую силу, и не солнце ли Иван-царевич, растопляющее зимний лед и холод и освобождающее весну? Или Кощей – зло, царящее на земле и часто побеждающее добро, а Иван-царевич – нравственная сила, побеждающая, в конце концов, зло? Или Кощей, как Змей-Тугарин, – половцы, печенеги, татары, полонившие Русь, а Иван-царевич – выставленные ею борцы за свободу? Все эти объяснения предлагались когда-то исследователями. Но все они одинаково произвольны. Современный ученый будет доискиваться смысла в сказках о Кошее, сопоставляя их с Апулеевской сказкой об Амуре и Психее и схожими сюжетами. Сам народ влагает разный смысл в старую сказку, может быть, не потерявшую сво-

ей емкости и для наших переживаний. Образ Кощея не связан тесно ни с какой стихией. Ни воздух, в котором он носится, ни воду, из которой он вылезает, нельзя назвать по преимуществу его стихией» (ИРЛ 1908, С. 164). У нас нет задачи отвечать на подобные благоглупости, где авторы демонстрируют полное незнание материала, принципиальное нежелание изучать иные источники, помимо сборника сказок А.Н. Афанасьева, неумение делать выводы и стойкое отсутствие логики. Отметим лишь, что таких «работ», к сожалению, колоссальное множество, и проблема творчества их авторов давно уже не имеет решения, поскольку сказка и миф – тема благодатная, ведь «материал терпит», а интерпретацию сюжета о Кошее готов дать кто угодно.

Связь Кощея с подземным / потусторонним миром, смертью (и возрождением), колдовством, его высокий (царский) статус, необычайная сила, заключение в цепях – все это позволяет предположить, что именно Кощей является основным фольклорным отражением (двойником) Черного бога. И главное: только этот антагонист главного героя сказок бессмертен, что является качеством божества. Безусловно, в сказке бессмертны Бог, Солнце, Месяц или Ветер, но это лишь подразумевается, так как герой не покушается на их жизнь. С Кошеем все иначе – поиск способа его погубить составляет основную интригу сказки. Забегая вперед, нужно отметить, что аналогичный демонический персонаж с удаленной душой (жизнью), известен и другим народам мира, из чего со всей очевидностью получаем следующее: он не наследует темному демиургу мифологий всех этих народов, а существует независимо от него. По нашему мнению, в славянском мире прообраз сказочного демона с удаленной душой (жизнью) народом был проассоциирован с Чернобогом на основании явных общих признаков, а сам сюжет с участием демона стал частью мифологии Чернобога. После затухания культа данного божества сказка оказалась одним из немногих источников, донесших до настоящего времени отголоски мифа и образа Чернобога.

Глава 1

Имя Кощея

Первая проблема, с которой сталкивается исследователь фигуры Кощея, – отсутствие надежного толкования его имени. Выдвинуты десятки гипотез, из которых, если отместить наиболее странные, внимания, хотя и разной степени, заслуживают следующие мнения (см: Кощеи // Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». В 6 выпусках. Вып. 3 (Корабль-Нынешний). – М.-Л., 1969, С. 16–18).

I. Из тюрк. *košči* «пленник, невольник» (от *koš* «лагерь, стоянка»), что дало др.-русск. *кощеи, кощии* «отрок, мальчик, пленник, раб», «смерд, подлый раб» (Даль): «бысть весть половцем от **кощея** от Гаврилкова, от Иславича, оже идуть на не князи Русьтии» (Ипатьевская летопись, С. 539), «Убиша Володимера князя Андрея /.../ бяше с ним **кощеи** мал» (Новгородская первая летопись, С. 34). В «Слове о полке Игореве»: «Ту Игорь князь выседе изъ седла злата, а въ седло **кощиево**», «Аже бы ты (Всеволод) былъ, то была бы чага по ногате, а **кощей** по резане», «Стреляй, господине, Кончака, **поганого кощея**, за землю Рускую, за раны Игоревы, бугео Святславлича!». Как итог, мнение: «мы имя Кашея склонны объяснять его положением раба, пленника, в котором он, действительно, очень часто пребывает в самом начале сказочного действия» (Новиков, С. 218). Действительно, одними сказками Кощей показывается пленником, которого герой высвобождает (на свою голову), но в других сюжетах он, однако же, таковым не является. Да и сама версия о пленнике притянута за уши. Во-первых, тюрк. *košči*

это: 1. «пахарь, сопровождающий упряжку (от *qoʃ* в значении упряжка, соха, плуг)», 2. «сопровождающий кочевой обоз, караван, гуртовщик, ухаживающий за лошадьми при перекочёвке, поводырь, ведущий навьюченных лошадей в караване, слуга для ухода за лошадью (от *qoʃ* в значении «кочевой обоз)», 3. «живущий во временном шалаше (от *qoʃ* в значении шалаш, временное жилище при перекочёвке)». Отсюда закономерный вывод: «В смысле пленника или раба слово *кошчы* не используется, хотя придать ему такие значения пытается целый ряд исследователей, включая тюркологов» (Воронцов В.А. «Слово о полку Игореве» в свете подлинного историзма. – Казань, 2009). А во-вторых, значение др.-русск. *кощеи*, *кощии* по-прежнему дискуссионно. Если это пахарь, кочевник или слуга при табуне, то к Кощею сказок все это привязать довольно сложно. Да, он пасет коней у Бабы Яги, но вряд ли один этот эпизод его биографии мог бы послужить причиной для создания народом имени демонического царя. Это же возражение применимо и к случаю, когда Кощей побывал в темнице. Могучего волшебника, неуничтожимого демона, сильного воина и царя большого царства, именовать кличкой «Пленник» или «Раб» только из-за ситуативного поворота в его жизни, когда он на несколько лет застрял в плену? Это нелогично. Да и речь не о прозвище, которое в принципе может быть получено в результате чего угодно, а об имени. Прозвище у Кощея другое – Бессмертный. Древнерусское заимствование из тюркского, действительно, очень похоже на имя Кощея, но это не более, чем случайное созвучие. Можно даже допустить, что при усвоении слова славянскими племенами это созвучие как раз и сыграло свою роль, поскольку чужое слово с новыми значениями звучало знакомо, и это облегчило его принятие. Иной связи между *Кощей* и *кощеи* нет.

- II. От слова *кость*, поскольку к этому корню восходят: рус. *Кощей* «худой, тощий человек, ходячий скелет» (Фасмер), свердл. *кощедра*, ворон., моск. *коща* «исхудалый, тощий

человек»: «*Нет он оправился, ай опух? Он ходил-то коща. Знать вылечился*», смол., олон. *Кощавый* «худой, худощавый»: «*Ты такей кощавый*», новг. «имеющий плохой аппетит», сарат. *кощи и мощи* «об очень худом больном человеке», сев.-двин. *кощиль* «скелет» (СРНГ 15, С. 159), др.-русск., русск.-цслав. *кощь, кощии* «тощий, худой» (Срезневский 1, 1309), урал. *Дохлый рон* (ровно) *Кощей* «о болезненно тощем, крайне слабосильном человеке» (Мокиенко 2008, С. 306), твер., яросл. *кощейка, кощийка* «о худой девушке или женщине»: «*Худая как кощейка*» (ЯОС 5, С. 11), «*Порает, пораёт дочку-то, а она все как кощийка*» (СРНГ 30, С. 52), блр. *кашчэй* «об очень худом человеке» (ТСБМ 2, С. 673), *кашчаваты* «костлявый», *кашчавы* «худой, костлявый» (СБГПЗ 2, С. 449). А.Н. Афанасьев придерживался именно такой версии: «В старославянских памятниках слово кощь, коষ্ঠь попадает исключительно в значении: сухой, тощий, худой телом, и, очевидно, стоит в ближайшем родстве с словом кость», «До сих пор именем Кощей называют старых скряг, иссохших от скупости и дрожащих над затаенным сокровищем» (Афанасьев 2, С. 594). Т.е. кощей – худой, иссохший человек, у которого видны кости. Тогда имя демона («иссушителя дождевой влаги», по мысли Афанасьева) – Кощей = Костяк = Скелет. Это было бы вполне уместное толкование, если Кощей – владыка того света, ибо такому и самому пристало выглядеть мертвецом с торчащими костями, скелетом. Бог мертвых и сам мертв. Сербы представляли Дьявола именно таким: «выглядит как человек, но настолько тощий, что одни только кости и кожа» (Барјактаровић, С. 47). Имя Кощей отмечено в формах, близких к слову **кость**, так что в народе ассоциативный ряд должен был заработать: рус. **Косцей** (Карнаухова, № 42), укр. **Костий бездушный** (Чубинский 2, № 64), **цар Костей** (Левченко, № 512), блр. **змея Костей** (Романов 6, № 23). Народ Кощей *вроде как* примерно таким и представлял, сравнивая с ним: рус. брян. «*А сосед-то, говорят, от зависти прям изошел весь – худющий*

стал, как Кощей» (Глебов, № 172). В детской игре из Костромской обл. водящему-Кощею кричат: *«Кощей, Кощей, // Из костей и мощей»* (Науменко 2016 б, С. 11). Отсюда, вероятно, и происходят изредка встречающиеся имена, и совершенно точно – распространенные прозвища. Как личное имя истолковано слово «кощей» в новгородской берестяной грамоте № 242 (нач. XV в.): *Цолобитъе от Кощя и оотъ (так!) половниковъ. У кого коне, а те худе, а у иныхъ нетъ.* Авторы письма – ключник Кощей и крестьяне-половники (арендаторы). Возможно, именем является и слово *Кошькей* в обрывке грамоты № 15 из Торжка (конец XII века). В именованном Н.М. Тупикова приводятся имена: *Кощей*, человек вел. кн. Московского (ок. 1459), и *Коще*, крестьянин (зап. 1582) (Тупиков, С. 205); в ономастиконе Веселовского упоминаются имена с прозвищами: *Иван Кощеев*, крестьянин (XV в., Новгород), *Афанасий Андреевич Кащеев* (1624 г., Звенигород) (Веселовский, С. 162). Среди костромских мужских прозвищ, упоминаемых Н. Виноградовым: *Шкилет, Кощей, Водя, Домовой* (Виноградов 1901, С. 130); а в именованном Русского Севера, составленном А.В. Кузнецовым отмечены следующие носители сходного имени: *Кощавка* (1617 г., Белозерск), *Иван Кощей Терентьев сын* (1614 г., Белозер. уезд), старец *Никон Кощий* (1668 г., г. Великий Устюг), *Кошуга* (1549 г., Двинской уезд), *Кошуняй* (кон. XVII в., Двинской уезд) (Кузнецов, С. 125–126). Ср. также прозвища: *Ивашко Безсмертной*, сибирский казак (1613), *Власко Безсмертной*, белоцерковский казак (1654), *Грицко Безсмертной*, смеловец (1658) (Тупиков, С. 45)¹. И все же, с одной стороны, с уверенностью принять эту версию (*кость*) несколько мешает орфографическая разноголосица – имя демонического царя может произноситься по-разному: *Кощей* и *Кащей*, *Костей* и *Кот* (и т.д.). Но

¹ В сказках герой может получить бессмертие, поймав в бутылку (свою?) Смерть в образе мухи, и почти что прозвище «Бессмертный»: рус. «и стал Иван бессмертный, боле смерти нет у него» (Карнаухова, № 132).

кто знает, как сильно исказилось при вековых пересказах личное имя, от какого бы слова оно ни было произведено? С другой стороны, есть и другая серьезная проблема.

Несмотря на уверения наших ранних мифографов, что «Русское баснословие описывает нам его живым остовом» (Кайсаров, С. 95), Кощей в народных сказках **практически никогда** не описывается тощим или похожим на скелет. Есть пример, вроде как подходящий: рус. «*Загрел костями своими, заходил он по своим палатам, говорит ей страшным голосом*» (Морохин 1990, С. 130–131; ФГО, № 14). Однако текст записан всего лишь в 1970 г., и в нем имеется масса деталей, указывающих на то, что рассказчик находился под сильным впечатлением от фильма А. Роу, снятого в 1944 г., где г. Милляр просто потрясающе сыграл роль Кощей Бессмертного. В польской сказке (с явным украинским влиянием), опубликованной в 1861 г., упоминается «*костлявая рука*» Кощей (Gliński 1, № 4). Но не говорится более ничего, и это может быть просто худая рука старца. В русской сказке, записанной в конце XIX в., имя Кощей звучит как *Сухощав Бессмертный* (Верещагин 4/2, № 60). Здесь определенно содержится указание на сухопарость демона, но понятен и путь появления такой номинации: **кощей – тощий – сухощавый**. Это и есть **все примеры**, которые хотя бы что-то говорят о костлявости Кощей. Других нет. Ни в одном сборнике русских сказок¹, вышедших к моменту написания г. Кайсаровым его слов о Кощее-остове (1810 г.), ничего подобного о его внешнем виде не говорится. Скорее всего, Кайсаров домыслил про остов сам, основываясь на народной лексике. Всего этого как-то недостаточно, чтобы утверждать, что Кощей = костлявый. Скорее всего, следует согласиться, что народная этимология связала имя *Кощей* со словом *кость* исключительно с целью объяснить непонятное и без всякой опоры на фольклорную традицию, поскольку Кощей, скорее всего, не костляв.

¹ Лекарство от задумчивости и бессонницы (1786 г.), Дедушкины прогулки (1786 г.), Сказки русские П. Тимофеева (1787 г.), Старая погудка на новый лад (1794–1795 г.) и т.д.

III. От рус. *кощунничать*, *кощунник*, или от н.-луж. *kostlař* «колдун, чародей». Такие версии не могут быть приняты по следующим соображениям. В известном значении *кощунник* – «тот, кто кощунствует; святотатец, кощун, богохульник»; *кощунничать*, *кощунствовать* «святотатествовать, богохульничать», *кощуна*, *кощунство* «святотатество, богохульство».

Здесь нужно сделать значительное отступление. Уже первые исследователи начали высказывать восторженное предположение, что изначально слово *кощуна* не несло негативного смысла, ведь в памятниках, обличающих язычество, при помощи его переведено древнегреческое слово *μῦθος* «миф». Это казалось удивительным и прекрасным – иметь собственное слово для обозначения именно мифов (а не сказок и былин). На первый взгляд и впрямь, картина радостная. И вот уже в 1914 г. Е.В. Аничков, комментируя «Слово об идолах», пишет: «Слова «Ефроновы **скверныя басни и кощуны**» не находятся в прототипе, но они не обозначают ничего другого, как – **античные мифы**» (Аничков, С. 68). Однако тут явная неувязка. Задолго до Аничкова И.В. Ягичу было известно, что в греческом прототипе эти слова есть. Более того, в письме А.А. Кунику (от 1879 г.) он приводил их в связи – что важно – с ошибками русских писцов-переводчиков: «подобные ошибки встречаются в церковнославянской литературе тысячу раз; недавно я обнаружил, что слова греческого подлинника *Ὀρφείως τελεταί καί μυστήρια* (т.е. «Орфические таинства и мистерии» – Б.Г.) переданы во всех славянских текстах словами «Ефроновы скверныя басни и кощуны»» (Ягич 1963, С. 156, см. комм. на С. 360). Таким образом, использование слова *кощуна* доведено до абсурда. Когда вдруг у слова *басни* появилось значение «таинства», а у слова *кощуны* – «мистерии»?! Таких примеров нет. «Переводчик», не зная точного смысла этих греческих слов, просто подобрал к ним устойчивую пару из обличительных текстов, звучащую столь же сурово и осуждающе. Но *кощуны* (как и

басни) не означают и «античных мифов». И.И. Срезневский в своем словаре древнерусского языка передал значение слова *кощуна*, *кощтюна* очень осторожно: «μυθος, λήρος, басня, вздор» (Срезневский 1893, С. 1308). Но об этой осторожности чуть дальше. Эстафету (скорее Аничкова), не уловив тонкости перевода И.И. Срезневского, перехватил археолог Б.А. Рыбаков, который уже свободно оперирует терминами *кощуна* и *кощун* в их предполагаемом значении, сочиняя все более и более несусветные вещи: «Кощуны семантически связывались с волхвами и волшебством: «Ни чаров внемли, ни кощюньных вълшеб». Кощуны-мифы четко противопоставляются правдивым эпико-историческим повествованиям. /.../ Существовали специальные «баяны» и сказители мифов – «кощюнники», к которым народ стекался, несмотря на запрещения: «Да начнеши мощи кощюнником въспрещати – видиши многы събирающесе к кощюньникомъ». В какой-то мере кощуны связаны с погребальным обрядом: «Мнозии убо тщеславия ради плачют (о покойнике) а отшедше кощюняють и упиваются». Из этой фразы видно, что кощуны исполнялись во время поминок по умершему. Причем исполнялись они «тщеславия ради», т.е. особо торжественным поминальным пиром считался тот, на котором пелись какие-то мифологические сказания. /.../ Русские переводчики XI–XII вв. устойчиво переводили греческое *mythos* словом «кощуны», объединяя в нем понятия судьбы и доброго начала. Противопоставление кощун «повестям о преславных делах» говорит о преобладании в них не эпического, а религиозно-мифологического начала. Исполнялись мифы-кощуны старцами: «старьчьскыи басни», «старьча кощуны». «Кощюнословие» иногда объединяется в одной фразе с «кобением», очевидно, исполнение сказаний могло сопровождаться теми или иными ритуальными жестами и телодвижениями» (ЯДР 315–316). И т.д. Нужно отметить, что все эти размышления Б.А. Рыбакова, при всем уважении к исследователю, – произвольное понимание ци-

тируемых древнерусских текстов в полном отрыве от контекста повествования. Так, в непримиримое противоречие с его концепцией, что слово *кощуна* сменило положительное значение на негативное, вступают данные цитируемых им примеров использования данного слова. В ранних примерах оно уже негативное и не означает «миф»: коштюны же и срамословие (1076 г.), соблазнь и кощюна (XI в.). Но при этом Рыбаков почему-то считает, что в куда более позднем примере: «Мнозии убо тщеславия ради плачють (о покойнике), а отшедше кощюняють и упиваются» (XIV в.) *кощуны* по-прежнему означают «мифические сказания»... Это как минимум ошибка. В итоге с его легкой руки версия о том, что слово *кощуна* означает «миф», пошла гулять по свету и стала весьма популярной – как ввиду ее патриотичности (как будто не хватает слов *предание, сказание?*), так и в силу человеческой доверчивости. Мало кто имеет привычку проверять на прочность слова академиков. Ее одинаково подхватили и студенты, аспиранты с докторами разных исторических дисциплин, и люди, интересующиеся родной культурой. Однако гипотеза эта предельно ошибочна.

В чем же выразалась осторожность И.И. Срезневского? Он привел ко слову *кощуна* два греческих значения *μυθος* и *λήρος* и тут же их перевел на русский как «басня» и «вздор». Еще раз. Он перевел слово *μυθος* как «басня». Не как «миф» или хотя бы «сказание». В противном случае он поставил бы на кон свою репутацию: ведь в одних текстах не говорится о мифах вообще, а в других переводчик переводил не дословно. Давайте глянем на значения др. греч. *μυθος* в словаре И.Х. Дворецкого. Наш современник с удивлением обнаружит, что слово *μυθος* вместо, казалось бы, очевидного значения «миф» имеет еще 11 (!) других значений: 1) речь, слово; 2) разговор, беседа; 3) совет, указание; 4) предмет обсуждения, вопрос; 5) замысел, план; 6) изречение, поговорка; 7) толки, слух; 8) весть, известие; 9) рассказ, повесть, повествование; 10) сказание, предание, миф; 11) сказка, басня;

12) сюжет, фабула (Дворецкий 2, С. 1113–1114)¹. И второе значение слова *кощуна* по Срезневскому в словаре Дворецкого также легко проверить: *λήρος* «пустяки, вздор, бессмыслица» (Дворецкий 1, С. 1025). Б.А. Рыбаков увидел в материалах Срезневского лишь то, что захотел. Что слово *кощуна* = *μυθος*, а это, конечно же, «миф, мифологическое сказание». Значение «вздор» он проигнорировал, как и то, что в данном случае *μυθος* – только «басня». Итак, действительно *μυθος* можно перевести на русский как «басня», но это другое значение данного греческого слова, не тождественное значению «сказание, предание, миф». Словарь Дворецкого недвусмысленно разводит эти значения. Наши обличители язычества при переводе *μυθος* выбрали не *сказание* и *предание*, а *басня* и *кощуна*. Почему? Это более чем очевидно. Для христианина все языческое суть мерзость, ересь, богохульство, скверна, суеверие и прочее, и прочее. Говоря о языческих храмах и капищах, волхвах и жрецах, изображениях богов, жертвоприношениях, обрядах, таинствах, праздниках, заговорах, народных игрищах, песнопениях, музыке, летописец, автор очередного обличения или «слова» не мог и не хотел, в силу своей религиозной ориентации, быть хотя бы отстраненным очевидцем и бытописателем. Он негодовал, искренне ненавидел, истекал ядом, сопровождая каждый из перечисленных пунктов каким-либо злобным эпитетом. У него всё только «сатанинское», «бесовское», «нечестивое», «кощунственное», «идольское», «поганое», «скверное» и «злое». Поэтому, переводя греческое *μυθος*, даже если в оригинале и в самом деле речь шла о священном предании, т.е. «мифе», использовались не нейтральные слова «предание»

¹ Плюс сочетания *μῦθος* «предание», «сказание» и *λόγος* «слово»: *μυθολογέω* «обстоятельно рассказывать; *μυθο-λογέω* 1) (о преданиях и мифах) «повествовать, излагать»; 2) «подробно передавать, обстоятельно рассказывать»; 3) «сочинять, выдумывать»; *μυθο-λόγιον* «сказка, басня»; *μυθο-λογία* 1) «изложение преданий, мифологии»; 2) «повествование, передача»; 3) «предание, миф»; 4) «разговор, беседа»; *μυθο-λογικός* «умеющий сочинять сказки, сказания»; *μυθο-λόγος* «мифический, сказочный», «рассказчик мифов, сказочник», «мифолог» (Дворецкий 2, С. 1113).

или «сказание», а слова с негативным смыслом – «басни» и «кощуны». *Кощунословие* – это не буквальный перевод греч. *μυθολογία*, а вполне сознательная подмена понятий, обозначающая «произнесение ложных слов», «пустословие, праздные разговоры». *Старьча кощюны*, так понравившиеся Б.А. Рыбакову, равно как и *старьчьскыи басни*, вовсе не обозначают исполняемые старцами «мифы-кощуны», но только «стариковы небылицы, выдумки», «старческие бредни». Ничего иного тут нет, как нет и никакой тайны. Все предельно просто – о чужом священном предании христианин мог сказать только слова худые и несправедливые, и если переводить соответствующее понятие, то только таким образом, чтобы в итоге получилось нечто неприятное. Английское слово *sex* «пол» можно перевести как «половые отношения», но, если из пуританских побуждений захотеть придать ему негативный смысл, то согдится и вариант «блуд», «половые извращения» (по желанию можно добавить «сатанинские», «бесовские» и т.д.).

Чтобы читатель яснее представлял вопрос, имеет смысл привести материал из ряда словарей русского языка:

XI–XIV вв. – кощуна (косщуна) 1) «запретный грех»: Или на подругу възлазила еси, или на себе възпущала еси деющи кощуны (XVI в.); «Кощунственные, греховные слова»: Блудъ же и всяка нечистота и лихоимство да не нарицається въ васъ... коштюны же и срамословие и ина подобьна симь (1076 г.); 2 «шутовство, насмешка»: Въ кощунъ место преславныхъ делесъ повести сказывати (1296 г.); Мнози убо толико слытием хр(и)стияне... како сии християне, извыкше кощуны еллинския, и басни жидовския и уродословия и глумления на улицах града (XVI в.); Отгоните от собя... оканнаа желенея... плясания и всякия игры, и кощуны и басни, и вся соблазны паче ж всякого добра (XVI в.); «вздор, выдуманное»: будет бо время егда съдраваго учения не имуть приятии, нъ по своим похотьмъ съберуть учителя и отъ истины отвратять слухъ и на кощуны преступяты (XII в.); **кощунание** «действие по глаголу кощунати»; **кощунати (кощуняти)** 1) «совершать недо-

зволненное, грешить, кощунствовать»; 2) «шутить, смеяться над недозволенным»: Мнозии убо тщеславия ради плачють (о покойнике), а отшедше кощюняють и упиваются (XIV в.), Не кощуняль ли еси в пиру (XVI в.); 3) «выдумывать, рассказывать небылицы»: Аще и друзии кощюнают (до 1200 г.); **кощунатися (кощунятися)** «насмехаться»: Тамо же въ полку товарищи его начаша кощунятися надъ нимъ (1679 г.); **кощуние** «шутовство, насмешка»: со отроки не играше, и с всяческихъ кощуний и глумлений отбегаше (XI в.); **кощунити** «выдумывать, рассказывать небылицы»: ини бають ему (и кощюнять) ини гудуть ему (XII в.); **кощунник** 1) «тот, кто кощунствует»: бе бо пьяница и студословець, празнословец и кощунникъ (1262 г.); 2) «балагур, шут»: Се [игры и зрелища] горше поганых сотонинско замышление, сем бо позоры и замыслил ес(ть) смехотворцы и кощунники и скоморохи изучи (XVI в.); Кощунницы имущее гусли... и бубны (XVI в.); Егда ли види(ш)и многи събирающес(я) к кощунником и к чяродемъ и к сатанинским песнем и играм (XVI в.); **кощунница** «та, кто кощунствует», «плясунья»; **кощуннословие, кощунословие** «кощунствование, произнесение кощунственных слов»: Глумление и кощуннословие в васъ да не водворяется (XVII в.); **кощунный** 1) «кощунствующий»: кощунные бледи беседуют, не домыслеще себе (1263 г.); «сказочный, вымышленный»: Ни чаровъ внемли, ни кощюньных вълшебъ; **кощунование** «рассказни, выдумки»: Яко же есть лепо с(вя)тымъ и блядение и уродословие и коштунование неподобная (1073 г.); **кощунство** 1) «кощунство, глумление»: И паки глумление глаголется кощунство (XVII в.); Да передъ нимъ же, архиепископомъ, было кощунство: два человека держали на головахъ въ рукахъ своихъ шесть по концомъ, а третей человекъ... розбежався съ другимъ шестомъ... черезъ скакаль (1675 г.); 2) «шутка, насмешка»; **кощунствовати** 1) «кощунствовать», 2) «выдумывать небылицы»; **кощъ** «запретный грех»¹: И фрачь-

¹ Это толкование представляется сомнительным, ибо в тексте ничто не дает предположить у слова указанное значение.

ския сны и чары и усряща и кощь, еврейловы сквернены басни, и кощюны (XVI в.) (СРЯ 7, С. 398-400);

XI–XVII вв. – кощоуна 1) «сказка, басня»: Но кощюны и басни оу множайшихъ обрящеши. книги же оу редкихъ (XIV в.); Въ кощунъ место преславныхъ делесъ повести сказывати (XVI в.); «легенда, предание, сказание»¹: кд(е) суть воеводы великия и воинство. томители губители кд(е) суть велиции ц(с)ри не вси ли персь суть не вси ли кощюна (XIV в.); подоба же аще истина есть. не кощунъ бо именовати. но акы несрамна показовати (XIV в.); (перен.) «что-либо недостоверное, неистинное»: яко же г(оспод)ъ нашъ Исъ Хъ въ еоуангльи рече... аще ли кощюны мним сия (XIV в.); 2) «пустословие, суесловие», «праздная сута, веселье»: Коштюны же срамословие и ина подобьна сим (1076 г.); ра(д)ются о пищахъ и о въсприятъи. о кощюнахъ же тмами и о вине (XIV в.); «умствования, хитросплетения»: рекуще прирочныя кощюны. и посрамлени на взращение (XIV в.); «лицедейство, представление»: се же суть злая и СКВ(е)рная дела... разбои чародеество волхвованье. наоузъ ношение кощюны (XIV в.); **кощоунати, кощоунити, кощоуновати** «рассказывать басни, сказки», «заниматься пустыми разговорами, болтовней», «лицедействовать, устраивать представление»: ни книгамъ ихъ оучи. идеже кощюнають. или играютъ (XIV в.); ини по плечема чишють. инии гоудоуть. инии бають емоу. и кощюнять. така бе слава и богатого (XII–XIII в.); яко д(у)ша ис тела ишьдъша. к томуу съде не живутъ. яко неции кощюноують. нъ абие отъводятся (XII–XIII в.); **кощоунословие** «произнесение ложных слов», «пустословие, праздные разговоры»: но о(т) мала въ великое приходить зло. г(лаго)лю же в кощюнословия. и прелщенословия. и кобения (XIV в.); **кощоунословьць** «тот, кто ведет пустые разговоры, обманщик»: яко буди искусень словеси праведьну. да възможеши противу. г(лаго)лющая обличати. и кощюнослове-

¹ Цитаты довольно темны, чтобы из них можно было бы однозначно вывести побные значения.

цем (τοις μυθολόγοις) запрещати и еретиком заградити оуста (XIV в.); **кощоуньникъ** «тот, кто ведет пустые праздные разговоры, болтун», «лицедей, скоморох»: аще грамотоу добре сведять. нъ и тоу скоро ихъ не поставляйте. аще боудоутъ не кощюньници. ни хыщници. ни пьяници (1280 г.); не буди кощюньникъ. ни игрецъ. ни срамос(ло)вникъ (XIV в.); **кощоуньница**, **кощъница** жен. к **кощоуньникъ**: тако же и вдову поимънему. ли пищеницю. ли рабу блудницу. или кощюньницу (XIV в.); **кощоуньный** прил. к **кощоуна**: кощюнныхъ словесъ (XIV в.); кощюньное г(лаго) л(ю)ть (1296 г.) (СРЯ 4, 1991, С. 279-280);

XVIII в. – **кощун**, **кощунник** 1) «тот, кто смеется, глумится над недозволенным», 2) «шут, скоморох, комедиант»: Кощунов, и насмеятелей из рима изгна; **кощунский**: Искусство комедическое, комедианское, кощунское; **кощуна** «насмешка, издевка», «шутовство»; **кощунный**, **кощунливый** 1) «насмешливый, издевательский, оскорбительный», 2) «насмехающийся, издевающийся над чем-либо»; **кощунство** 1) «насмешка, издевка, шутовство», 2) «оскорбление религиозной святыни»; **кощунствовать** 1) «насмеяться, глумиться, отпускать неуместные шутки», 2) «насмеяться над святыней, богохульствовать»; **кощунья** «гадалка, ворожея» (СРЯ XVIII, С. 217–218).

Этимологически праслав. **košćinъ* / **košćina* является производным от глагола **kostiti*, с ярко выраженной семантикой осквернения: ц.-слав. *кощуна*, *коштюна*, *кощуна* «запретный грех», «шутовство, насмешка», рус. *кощун* «тот, кто кощунит», укр. *кощун* «насмешник» (ЭССЯ 11, С. 187).

Итак, в древнерусских поучениях слово *кощуна* и его производные **всегда** используются в негативном ключе и контексте: Обородеша и премениша славоу нетълеюштааго Б(ог)а коштюнами некъыми (1073 г.); Коштюна оубо есть и безоумье люто, еже въ истиноу мнети пророчю д(у)шю (1073 г.); Коштюны же и срамословие (1076 г.); Мысленъи потвор зълбесов, летома помагаема и коштюною крадомо (XI в.); Соблазнь и кощюна (XI в.); Гордости же останися и гнева и славохотения